

ПОЪЗДКА ВЪ СОМЮРЪ.

(ВЪЗГЛЯДЪ ЗАМѢТКЪ.)

II.

СОМЮРСКАЯ КАВАЛЕРІЙСКАЯ ШКОЛА (*).

Сомюръ имѣеть совершенно другую фізіономію, нежели Орлеанъ, Блуа, Амбуазъ и даже Туръ. Онъ лежитъ на плоскомъ мѣстѣ; улицы его довольно широки и правильны (по крайней мѣрѣ, главныя), большая часть строеній не очень старой архитектуры. Еслибъ не мостовая, тротуары да массивный каменный мостъ черезъ Луару, то я бы сказалъ, что Сомюръ имѣеть фізіономію нашего губернскаго города средней руки. Но извѣстно, что на улицахъ нашихъ губернскихъ городовъ, даже не средней руки, можно легко завязнуть въ грязи, если онѣ не вымощены, или сломать самую крѣпкую ось и повредить нѣсколько собственныхъ ребра, если вымощены, каковое обстоятельство и придаетъ этимъ улицамъ, виѣстѣ съ деревянными тротуарами, на которыхъ невольно приходится иногда учиться эквилибристикѣ, особенный, отечественный видъ. Обыкновенно у насъ дѣлають такъ: когда грязь, то ѣздить по мощенымъ

(*) «Военный Сборникъ», № 8.

Т. XXVIII. Отд. II.

улицамъ, большею частію, разумѣется, весьма уиѣренными аллюрами, для безопасности; а когда сухо, то объѣзжаютъ ихъ сколько возможно, хоть бы пришлось ѣхать втрое дальше.

Сомюръ торговый и промышленный городъ, съ богатымъ населеніемъ. Онъ дѣлаетъ большіе обороты хлѣбомъ, фруктами и т. п. Кавалерійская школа немало, вѣроятно, способствуетъ также его процвѣтанію.

«Въ немъ два трактира есть: одинъ»

Лондонъ, а другой ужъ не знаю какъ зовутъ. Но главная замѣчательная вещь въ Сомюрѣ кавалерійская школа. Затѣмъ есть еще замокъ, какъ вездѣ, лежащій почти за городомъ. Я столько уже говорилъ о замкахъ, что ничего не скажу о сомюрскомъ: онъ имѣетъ видъ маленькой крѣпости и служить теперь пороховымъ погребомъ и арсеналомъ, куда никого не пускаютъ. Изъ послѣдующаго же разсказа, надѣюсь, читатель убѣдится, что кавалерійская школа есть дѣйствительно достопримѣчательная вещь, не даромъ пользующаяся своей репутаціей. Люди, вовсе не интересующіеся специально кавалерійскимъ дѣломъ, останавливаются, однако, въ Сомюрѣ, чтобъ осмотрѣть ее. Пройдясь по главнымъ улицамъ и набережной, я направился къ ея зданію, лежащему въ концѣ города, противоположномъ замку. И замокъ и школа расположены близко Луары, вдоль которой тянется большая часть Сомюра. Идти нужно довольно долго (извошниковъ нѣтъ), и я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы разсказать вкратцѣ исторію Сомюрской кавалерійской школы.

Въ 1764 году въ Сомюрѣ квартировали двѣ бригады королевскихъ конныхъ карабинеровъ съ своимъ штабомъ. Въ 1766 году герцогъ Шуазель, тогдашній военный министръ, перевелъ «школу верховой ѣзды», существовавшую въ Анжерѣ, въ Сомюръ и предписалъ всѣмъ полкамъ выслать сюда по четыре офицера и по четыре унтеръ-офицера, такъ какъ коммиссія, наряженная для осмотра всѣхъ заведеній этого рода (кромѣ Анжера, существовали школы верховой ѣзды въ Дуэ, Мецъ и Безансонѣ), нашла ее лучшею. Въ теченіе одного лѣтняго мѣсяца ежегодно былъ въ Сомюрѣ, кромѣ того, сборъ пяти бригадъ карабинеровъ для маневровъ.

Въ 1768 году была построена прекрасная казарма, составляющая теперь главное зданіе школы.

Въ 1790 году (революція) школа была закрыта. Въ 1796 году ее опять открыли, но въ Версали. Въ 1799 открыли еще двѣ новыя: одну въ Люневиллѣ, другую въ Анжерѣ. Въ 1809 году закрыли всѣ три и открыли одну большую школу въ Сен-Жерменѣ, которую, въ свою очередь, упразднили 30 іюля 1814 года. Но 23 октября того же года маршалъ Сультъ, военный министръ, учредилъ въ Сомюрѣ «Школу обученія конныхъ войскъ». Школа эта была распущена 20 марта 1822 года, вслѣдствіе заговора генерала Бертонъ. Генералъ Бертонъ былъ противникомъ войны съ Испаніей, которую готовили тогда французскіе Бурбоны для поддержки своихъ родственниковъ, испанскихъ Бурбоновъ, противъ кортесовъ и народа. Заговоръ этотъ былъ распространенъ почти во всей французской арміи, и Бертонъ былъ только одинъ изъ членовъ его. Заговоръ не удался, отъ оплошности генерала Лафайета, главнаго двигателя, опоздавшего однимъ днемъ въ Бефоръ, гдѣ предполагалось произвести главный ударъ. Лафайетъ не былъ компрометированъ, но Бертонъ, дѣйствовавшій самостоятельно, и многіе единомышленники и сообщники его сложили головы на плахѣ. Война съ Испаніей, какъ извѣстно, состоялась, но черезъ восемь лѣтъ пали Бурбоны во Франціи.

Кавалерійская школа была вскорѣ опять открыта (5 ноября 1823 года) въ Версали. Черезъ годъ ее перевели снова въ Сомюръ, но перемѣнили названіе. Начиная съ этого времени, благодаря отличному командованію генераломъ маркизомъ Удино, она становится первою школою своего рода въ цѣломъ свѣтѣ. Всѣ европейскія государства посылали сюда лучшихъ своихъ офицеровъ искать примѣровъ и образцовъ. Маркизь Удино устроилъ здѣсь еще школу кузнецовъ (1826) и учебный конскій заводъ (1827); онъ украсилъ наружность зданія и выстроилъ нѣсколько конюшенъ, большой манежъ и, наконецъ, возобновилъ средневѣковые карусели, существующіе и до сихъ поръ, о которыхъ я скажу два слова въ своемъ мѣстѣ.

Изъ очерка исторіи Сомюрской школы можно видѣть, что необходимость основательнаго одиночнаго развитія кавалеристовъ, для распространенія котораго преимущественно и существуютъ подобныя школы, хорошо понималась французскими кавалеристами, а самыя заведенія составляютъ предметъ заботливости правительства. Всѣ одинаково понимали глубокую истину, что «уиъ и храбрость всадника только при одиночномъ

обученіи могутъ развиваться достаточно» (*). Единственное средство, въ мирное время, для такого развитія всадниковъ есть обученіе. Чтобы успѣшно обучать другихъ, нужно быть самому мастеромъ своего дѣла, быть проникнутымъ до мозга костей и преданнымъ до глубины души, мнѣ хочется сказать: до поэзіи, своему ремеслу. Для этого нужно получить извѣстное, очень трудовое и долгое образованіе, которое даже въ здѣшнихъ полкахъ, всегда квартирующихъ въ казармахъ, нельзя давать такъ хорошо, какъ въ специальной школѣ. У насъ тоже говорится о необходимости одиночнаго развитія и покаместъ учреждено, въ видѣ опыта, офицерское кавалерійское училище въ Елисаветградѣ.

Въ 1853 году Сомюрской школѣ дана новая организація, которую (если не ошибаюсь) изложилъ года три тому назадъ г. Золотаревъ въ «Военномъ Сборникѣ». Эта организація составляетъ и понынѣ *главное* основаніе школы. Но въ прошломъ году сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, находящіяся въ связи съ переобразованіемъ Сень-Сирской школы (нѣчто въ родѣ нашего Константиновскаго военного училища). Въ Сень-Сирской школѣ теперь два отдѣла: пѣшій и кавалерійскій. Молодые офицеры, выпущенные изъ кавалерійскаго ея эскадрона въ полки, служатъ въ нихъ одинъ годъ и потомъ *должны* быть присланы на годъ въ Сомюрскую школу, гдѣ оканчивается ихъ образованіе. Кромѣ того, изъ каждаго полка *можетъ* быть присланъ сюда одинъ поручикъ, если есть достойные между желающими. Наконецъ каждая бригада высылаетъ сюда одного унтеръ-офицера (преимущественно изъ находящихся на вакансіи къ производству въ офицеры), а каждый полкъ по одному ефрейтору. Понятно, что всѣ эти чины слушаютъ и проходятъ различные курсы, а потому они строго раздѣлены на такъ называемыя отдѣленія или дивизіоны (divisions), и можно даже сказать, что въ Сомюрской школѣ семь школъ: такъ различны эти курсы. Кромѣ пяти названныхъ отдѣленій, то есть отдѣленія поручиковъ, двухъ отдѣленій подпоручиковъ (въ одномъ тяжелыхъ, въ другомъ легкихъ полковъ), унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, есть еще шестое отдѣленіе, составленное изъ ветеринарныхъ помощниковъ, то есть изъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ ветеринарномъ училищѣ и присланныхъ сюда на одинъ

(*) Instruction provisoire sur le travail individuel dans la cavalerie, стр. 7.

годъ для испытанія и обученія верховой ѣздѣ, прежде окончательнаго приѣма ихъ въ военную службу. Седьмое отдѣленіе состоитъ изъ рядовыхъ вольноопредѣляющихся (*cavaliers élèves*), поступающихъ прямо въ школу. Если въ теченіе годичнаго пребыванія своего въ школѣ они окажутъ должные успѣхи, то ихъ отправляютъ въ полки ефрейторами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и главное назначеніе школы нѣсколько измѣнено. Прежде она имѣла въ виду приготовленіе инструкторовъ для кавалеріи и распространеніе въ ней однообразнаго способа обученія какъ правиламъ верховой ѣзды, такъ и всѣмъ другимъ отраслямъ кавалерійскаго дѣла. Теперь она образовываетъ не только инструкторовъ — ибо только выслушавшіе курсъ въ самомъ старшемъ отдѣленіи, въ отдѣленіи поручиковъ, могутъ претендовать на званіе *инструктора*—но и вообще свѣдущихъ кавалеристовъ. Это произошло оттого, что черезъ школу теперь проходитъ гораздо большее число учениковъ, такъ какъ курсъ продолжается только одинъ годъ, вмѣсто двухъ, и поступленіе въ школу для сентябрьскихъ *обязательное*.

Кадръ школы остался тотъ же.

Прійдя въ школу, я прямо обратился къ генералу Крепэну, командиру ея, за позволеніемъ осмотрѣть ее подробно, которое тотчасъ же дано было мнѣ, вмѣстѣ съ провожатымъ, на первый разъ. Поговоримъ о занятіяхъ въ ней, которыя раздѣлены на практическія (верховая ѣзда преимущественно) и теоретическія.

Всѣ лошади, состоящія при школѣ, строго раздѣлены на три категоріи, и только въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ та или другая можетъ быть перемѣщена изъ одной въ другую, но не иначе, какъ по особому распоряженію генерала. Раздѣленіе на категоріи зависитъ отъ раздѣленія самыхъ конныхъ занятій учениковъ на нѣсколько различныхъ, столь же строгихъ отраслей, именно:

1) *Строевая служба* (*travail militaire*) производится на лошадяхъ, приведенныхъ изъ полковъ на время пребыванія въ школѣ ихъ владѣльцевъ. (Исключеніе изъ общаго правила составляютъ только офицеры полковъ, сидящихъ на арабскихъ или варварійскихъ лошадяхъ, и *cavaliers élèves*, которымъ назнача-

ются лошади отъ школы.) На этихъ лошадяхъ дѣлаются всѣ собственно военныя ученья на плацу: рекрутская школа, взводное, эскадронное ученье и т. д.

2) *Манежная пзда.* Для ней имѣется около 130 лошадей, всѣ жеребцы *тарбской* породы (gase tarbe), лошадей весьма замѣчательныхъ. Тарбская порода есть смѣсь знаменитой лимузенской (limousin) породы съ арабской, произведенная въ последнее время. Лимузенскіе кони долгое время считались на материкѣ Европы лучшими верховыми лошадьми. Они образовались въ юго-западной Франціи еще во время крестовыхъ походовъ, отъ смѣшенія мѣстной породы съ восточною, приведенною сюда рыцарями, но съ распространеніемъ народонаселенія, съ уменьшеніемъ запроса на дорогихъ верховыхъ лошадей и, главное, при сильной конкуренціи со стороны англійскихъ скакуновъ, лимузенская порода почти совершенно исчезла. Въ учрежденномъ около города Тарба (близъ Пиренейскаго хребта) конномъ заводѣ, были скуплены дорогою цѣною рѣдкіе представители лимузенской породы и образованъ новый типъ—тарбскій. Сознаю, что нужно быть большимъ знатокомъ восточныхъ породъ, чтобы находить въ тарбской породѣ значительную разницу съ ними; она только немного рослѣе (отъ 1 до 2½ вершковъ) и какъ будто мясистѣе.

Тарбская лошадь необыкновенно способна къ верховой ѣздѣ, особенно къ манежной утонченной выѣздкѣ. Поэтому лучшихъ молодыхъ лошадей присылаютъ изъ Тарба прямо въ Союръ: мнѣ нигдѣ не случилось видѣть вмѣстѣ такого числа отличныхъ, «чудныхъ» лошадей, даже на придворныхъ конюшняхъ прусскаго короля и императора Французовъ. Содержаніе ихъ тоже не уступаетъ царскому. За ними ходятъ вольнонаемные конюхи (palefreniers), за тремя лошадьми одинъ. Чистка, обмываніе, обтираніе и подтираніе не прекращаются въ конюшнѣ въ теченіе пѣлаго дня, тѣмъ болѣе, что многія лошади ѣздятъ два раза въ день, каждый разъ по три-четверти часа.

Ѣзда на нихъ производится всегда въ закрытомъ манежѣ (которыхъ въ Союрѣ три), смѣнами въ 22 — 28 всадниковъ. Лошадей, заѣдланыхъ французскимъ стариннымъ сѣдломъ, которое въ родѣ англійскаго, но стеганое и съ мягкой набивной нашивкой на передней лукѣ, приводятъ конюхи, въ назначенную разъ навсегда минуту, каждый по одной лошади и съ хлыстомъ въ рукѣ. Капитанъ-инструкторъ (или часто и поруч-

чикъ-инструкторъ, если учатся нижніе чины) дѣлаетъ перекличку лошадямъ и тутъ же назначаетъ, кто на ней будетъ ѣздить, такъ что ученики каждый разъ мѣняютъ лошадей и никто никогда не знаетъ, какая лошадь будетъ подъ нимъ. Потому не торопясь садятся, берутъ у конюха хлысть, составляющій неотъемлемую принадлежность манежнаго сѣдла, и пригоняютъ стремена. Раздается команда: «а vos ceppes», конюхи отходятъ въ сторону и ждутъ здѣсь же, въ манежѣ, окончанія ученя.

Я забылъ сказать, что, съ поступленіемъ въ Сомюрскую школу, всѣ чины носятъ уже не полковую, а особо установленную форму. Офицерамъ разрѣшено носить полковую свою форму только по воскресеньямъ, нижнимъ чинамъ всегда внѣ службы. Она для всѣхъ одинакова: колетъ темно-синяго сукна съ серебряными пуговицами, такія же узкіе рейтузы (у офицеровъ лосинные) и нѣчто въ родѣ маленькихъ ботфортъ, не выше колѣна. У офицеровъ серебряные эполеты. Киверъ, носимый въ городѣ внѣ службы, въ родѣ нашего гусарскаго, но для ѣзды надѣваютъ трехуголку, весьма некрасивую, поперекъ головы. Вотъ что называется *tenue de manège*. Возвратимся въ манежъ.

Какъ и у насъ, ученье начинается работою лошади въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на мѣстѣ. На шагъ дѣлаютъ мало движеній, преимущественно только принимаютъ. Но вотъ смѣна пошла рысью и не мѣняетъ аллюра въ продолженіе четверти часа. И чего тутъ не дѣлаютъ: и десять перемѣнъ направленій, и какія-то зигзаги черезъ весь манежъ (называется: *en serpentine*), и большіе и малые вольты, и «полупируэты» (соотвѣтствуютъ нашему направо или налѣво кругомъ). Любо смотрѣть, какъ спокойно и отчетливо дѣлаются всѣ движенія этими небольшими, но граціозными и горячими конями, съ великолѣпнымъ отдѣломъ хвоста, съ лебедиными шеями, со вздутыми ноздрями.... Отдѣльнымъ всадникамъ инструкторъ рѣдко дѣлаетъ какое нибудь замѣчаніе (я говорю преимущественно объ офицерскихъ смѣнахъ), но всякій разъ, послѣ предварительной команды, даются общія наставленія, большею частію словами устава; говоритъ, впрочемъ, и свои замѣчанія, сжато, но ясно и дѣльно, напримѣръ: «не пугайте лошади, разомъ взявши ее въ шенкеля, а держите ее постоянно между поводомъ и шпорой» (*entre la main et l'éperon*).

Послѣ движеній на рыси, ихъ повторяютъ на галопѣ. Во время моего пребыванія въ Сомюрѣ, начали уже готовить офцеровъ къ каруселю, нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ игръ, ежегодно устраиваемыхъ школою въ сентябрѣ мѣсяцѣ, для которыхъ есть въ ней даже особенный открытый манежъ или, пожалуй, арена, съ амфитеатромъ для зрителей. Во время этого каруселя, который длится нѣсколько дней, весь городъ принимаетъ праздничный видъ и наполняется сотнями любопытныхъ прїѣзжихъ, особенно Англичанъ. Карусель состоитъ сперва изъ различныхъ эволюцій, дѣлаемыхъ офицерами на тарбскихъ лошадяхъ, засѣданныхъ для этого случая роскошными сѣдлами, разукрашенными разноцвѣтными лентами; потомъ слѣдуетъ нѣчто въ родѣ джигитовки, то есть стрѣльба съ сѣдла, сниманіе пиккою колець и т. п., при чемъ отличившимся даютъ призы, и наконецъ скачки. Приготовленія къ каруселю состояли въ томъ, что до перехода въ галопъ каждое ученье всѣмъ раздавали пвки, болѣе для того, чтобы пріучить къ нимъ лошадей и всадниковъ.

Какъ только ученье кончилось (ученье кончаютъ въ установленную *минуту*, хотя бы это было на серединѣ какого нибудь движенія или объясненія, дѣлаемаго инструкторомъ), отъѣзженныхъ лошадей выводятъ изъ манежа и въ то же время вводятъ *трехъ* другихъ: одну засѣдланную вольтижерскимъ сѣдломъ и двухъ *sauteurs*, то есть прыгуновъ. Ученики раздѣляются на двѣ кучки: одни вольтижируютъ — процессъ, теперь всѣмъ, вѣроятно, извѣстный у насъ; другіе поочередно садятся на прыгуновъ. На нихъ я обязанъ остановиться, какъ на совершенно новой, очень практической и дѣльной отрасли науки верховой ѣзды.

Не помню, у кого именно въ Сомюрѣ явилась мысль *выучить* лошадь *сбивать*, то есть *бить задомъ и передомъ по данному приказанію*, или, выражаясь весьма употребительнымъ у насъ способомъ, выучить ее *давать козла*. Опытъ удался, и теперь въ Сомюрѣ пятнадцать лошадей, *единственнымъ* занятіемъ, въ полномъ смыслѣ слова, *спеціальностію* которыхъ есть «даваніе козловъ». Послѣ *каждою* ученя въ манежѣ, приводятъ двухъ *sauteurs*, засѣданныхъ особеннымъ сѣдломъ, въ которомъ довольно легко держаться, ставятъ ихъ въ пиляры, коротко привязываютъ къ нимъ крѣпкимъ недоуздомъ и сажаютъ ученика. Если прыгунъ хорошо выдресированъ, то ин-

структору стоитъ только сказать: «allez», и онъ начинаетъ сбивать, да какъ сбивать! Повода всаднику не позволяютъ натягивать, и рѣдко, рѣдко кому не приходится прибѣгать къ такъ называемому у кавалеристовъ «пѣхотному спасителю», то есть гривѣ, а многіе совсѣмъ-таки падаютъ съ лошади, особенно молодые ветеринары, только начавшіе въ школѣ ѣздить. Если инструкторъ предвидитъ неизбежность такого казуса, то говоритъ обыкновенно: *hold!* и лошадь разомъ останавливается какъ вкопанная. Иногда, впрочемъ, дають-таки и сбить человѣка, ему въ назиданіе, а другимъ на потѣху. Послѣ пяти, шести минутъ такой работы, лошадь обыкновенно вся уже въ мылѣ и поту, и ее замѣняютъ другою. Всякій ученикъ проводитъ на ней не болѣе минуты; но, несмотря на это короткое, относительно, время, польза такого упражненія очевидна: оно необыкновенно укрѣпляетъ всадника въ сѣдлѣ, дѣлаеть его смѣлѣе и самоувѣреннѣе. Упражненію на *sauteurs* подвергаютъ всѣхъ учениковъ школы безъ исключенія и понемногу начинаютъ даже заводить такихъ прыгуновъ и въ полкахъ. Я желалъ бы сказать еще нѣсколько словъ о самомъ дрессированіи лошадей въ прыгуны, но боюсь слишкомъ отвлечься отъ предмета и долженъ ограничиться указаніемъ на сочиненіе старшаго инструктора по части верховой ѣзды въ Сомюрской школѣ, г. Guégin: «*Dressage du cheval de guerre, etc, Saumur*», 1860 г., въ которомъ оно изложено на стр. 117—121. Прибавлю только, что лошади выучены сбивать не только въ пилярахъ, но и на свободѣ; и что тяжелая работа эта не только не портитъ ихъ (физически), а, напротивъ, необыкновенно развиваетъ и укрѣпляетъ мышцы. Странно также, что лучшіе *sauteurs* выходятъ изъ смирныхъ, а не изъ строптивыхъ лошадей.

Третій родъ конныхъ занятій производится на такъ называемыхъ *chevaux de carrière*, и также и называется: *travail de carrière*, т. е. ѣзда въ открытомъ полѣ. Лошади эти, числомъ около 150, большею частію нормандской породы, болѣе или менѣе улучшенной помѣсью съ англійскою. Онѣ всѣ очень рослы, отъ 3 до 6 вершковъ, и даже выше, сѣдлаются только англійскими сѣдлами и ѣздятся или на плацу (*champ des manoeuvres*), или на дорогахъ и поляхъ въ окрестностяхъ города. Отъ нихъ вовсе не требуютъ утонченной выѣздки, хорошаго сбора, а требуютъ получасоваго растяжнаго галопа, прыганья черезъ канаву въ сажень ширины или черезъ двухъ-аршинный барьеръ, — словомъ,

нѣчто въ родѣ того, что требуютъ англійскіе спортсмены отъ *hunters* (охотничьихъ лошадей). Между ними есть также очень цѣнные кони, но уходъ хотя и хорошъ, однако не такъ тщательнъ, какъ за тарбскими, между которыми много тысячныхъ. Уходъ за лошадьми *de saignée* порученъ особенной, состоящей при школѣ, такъ называемой ремонтной командѣ. Наконецъ, 4-й разрядъ лошадей составляетъ находящаяся при школѣ *школа выѣздки* (*école de dressage*), въ которой также около 150 коней. Въ ней можно найти всякій сбродъ: арабскихъ, нормандскихъ, легкихъ и тяжелыхъ, старыхъ и молодыхъ, выѣзженныхъ и не выѣзженныхъ. Главная цѣль этой школы доставлять лошадей врачамъ, офицерамъ генеральнаго штаба, пѣхотнымъ и вообще всѣмъ, кому правительство обязалось дать лошадь. Но кромѣ того сюда присылаютъ еще строптивыхъ и малоспособныхъ къ выѣздкѣ лошадей, забракованныхъ за эти качества въ полкахъ. Главная часть занятій въ «школѣ выѣздки» возложена на кадровыхъ чиновъ Сомюрской школы, состоящихъ при манежѣ (*). Но кромѣ того всякому поручику дадутъ отсюда лошадь, которую онъ обязанъ совершенно выѣздить, если хочетъ претендовать на званіе инструктора. На лошадяхъ, уже нѣсколько пообъѣзженныхъ, дѣлаются изрѣдка ученія, цѣлыми смѣнами.

Всѣ нижніе чины, состоящіе въ школѣ, раздѣлены на три эскадрона. Въ первомъ кирасиры, карабинеры, драгуны и 25 рядовыхъ вольноопредѣляющихся; во второмъ уланы, егера, гусары и остальные 25 рядовыхъ вольноопредѣляющихся; въ третьемъ кузнецы, сѣдельники, всѣ вообще нестроевые и трубачи (школа имѣетъ свой собственный хоръ трубачей). Командуютъ эскадронами кадровые капитаны. Въ нихъ числятся только строевые лошади, т. е. тѣ, на которыхъ производится «*travail militaire*».

Уборка происходитъ два раза въ день: утромъ, въ 5 часовъ, и вечеромъ, въ 3¹/₂, кромѣ воскресенья, когда она дѣлается въ 2 часа. Если погода позволяетъ, то коней, только что выкормленныхъ въ конюшнѣ, выводятъ на дворъ и привязываютъ вдоль

(*) Нужно замѣтить, что и кадровые чины раздѣлены строго на двѣ категоріи: однимъ поручена собственно военная часть, другимъ собственно манежная, на которую вовсе не смотря какъ на необходимый атрибутъ военнаго образованія. Первые называются, напримѣръ, *capitaines-instructeurs*, вторые *capitaines-ecuyers* (конюшіе). Прежде высшая манежная ѣзда была даже поручена вольнымъ берейторамъ.

стѣнъ конюшни, къ нарочно придѣланнымъ кольцамъ. Потомъ симметрически раскладываютъ, въ четырехъ шагахъ за задними ногами лошади, всѣ принадлежности для уборки: скребницу, щетку, суконку, гребенку для хвоста и гривы и губку для мытья. Труба даетъ сигналъ, и начинается работа щетками и скребницами. Черезъ полчаса другой сигналъ, и начинаютъ чесать и мыть. Обыкновенно уборка продолжается не болѣе трехъ-четвертей часа, и потомъ немедленно ученье или проѣздка (послѣ утренней). Если ученье назначено ранѣе пяти часовъ, то лошадей только обтираютъ въ конюшнѣ, а чистятъ уже послѣ; но это рѣдко бываетъ.

Ученье обыкновенно длится до 9¹/₂ часовъ. Въ 10 часовъ люди завтракаютъ и должны приготовляться потомъ къ теоретическимъ занятіямъ, т. е. просто учить наизусть заданные параграфы устава. Молодые ветеринары несутъ особенную службу, подъ руководствомъ главнаго ветеринара. Они поочередно дежурятъ въ прекрасно устроенномъ при школѣ конномъ лазаретѣ, слушаютъ специально для нихъ читаемыя лекціи, составляютъ разные отчеты и т. п. Ѣздятъ они три или четыре раза въ недѣлю, только на тарбскихъ лошадяхъ, подъ руководствомъ инструктора. Благодаря красивому мундиру, носимому французскими ветеринарами, они имѣютъ очень развязный, кавалерійскій видъ. Известно, что ветеринаръ кавалерійскаго французскаго полка всегда долженъ быть верхомъ, около своей части.

Фехтовальная зала Сомюрской школы гораздо больше и гораздо чище, нежели видѣнная мною въ Блуа (см. первую часть этой статьи), въ казармахъ пѣхотнаго полка. Она убрана даже съ большимъ вкусомъ: на главной стѣнѣ, противъ оконъ, прикрѣпленъ раззолоченный государственный гербъ Франціи, а на двухъ боковыхъ стѣнахъ по большому щиту. На одномъ изъ нихъ я прочелъ надпись, въ видѣ девиза: «*valeur et discipline*» (храбрость и дисциплина), на другомъ — «*honneur et patrie*» (честь и отечество). Всѣ четыре стѣны сплошь завѣшаны разнымъ холоднымъ оружіемъ, въ два яруса. Верхній, повидимому, служить только для украшенія: это палаши, сабли, тесаки, даже рыцарскіе щиты, мечи, копыя и т. п. Нижній составленъ изъ фехтовальныхъ аппаратовъ.

Во всю длину залы сдѣланы невысокіе деревянные помосты, на которыхъ собственно фехтуютъ. Рядомъ съ главной залой есть другая, меньше, предоставленная исключительно офицерамъ. Здѣсь тѣ же украшенія, хотя не столь пестрыя, а въ углу большой шкафъ для храненія фехтовальныхъ принадлежностей, которыя офицеры должны имѣть собственныя. Вещи каждого офицера уложены въ сѣтку, имѣющую видъ торбы. Обученіе фехтованію въ школѣ для офицеровъ не есть обязательное, и нужно сказать правду, что имъ оставлено такъ мало свободнаго времени отъ занятій въ манежѣ и аудиторіяхъ, что невозможно и требовать обязательности. Дилетантовъ поэтому не много, и случаются дни, что ни одинъ не зайдетъ «размять члены», какъ выразился *maître d'armes*. Въ шкафъ были всего пять, шесть торбъ; остальные офицеры и вещей-то своихъ не послали въ залу (которыя есть, однако, у всѣхъ), рѣшившись не брать уроковъ въ теченіе всего курса. Унтеръ-офицеры же и рядовые вольноопредѣляющіеся, напротивъ, *обязаны* ходить сюда три раза въ недѣлю, но въ какое угодно время дня, каждый разъ на урокъ въ четверть часа. Для контроля на стѣнѣ прибита табличка съ именами всѣхъ обязанныхъ брать уроки. Надъ каждымъ именемъ есть мѣдная задвижка, которою закрывается оно тотчасъ послѣ урока. Имена, не закрытыя въ свое время, *maître d'armes* объявляетъ дежурному, и съ виновныхъ разыскиваютъ.

Унтеръ-офицеровъ подвергаютъ, при окончаніи курса, экзамену изъ фехтованія и ставятъ за него баллы, какъ и за всѣ прочіе предметы.

Когда мы вошли (меня сопровождалъ одинъ изъ офицеровъ, поручикъ Б.), обучающихся въ залѣ не было. Одинъ изъ помощниковъ *maître d'armes*, называемыхъ *brigadier-prévot d'armes*, сидѣлъ одинъ въ залѣ и читалъ какую-то книгу. Поручикъ Б. спросилъ его, гдѣ самъ учитель.

— Пошелъ на дуэль, отвѣтилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто говорилъ: здравія желаю.

— Не знаете, кто *дерется* (*)? продолжалъ поручикъ не менѣе равнодушно.

(*) Французы рѣдко употребляютъ слово «дуэль». Когда говорятъ: «они дрались», то всѣ понимаютъ, что это была не кулачная драка. Солдаты употребляютъ выраженіе «*s'alligner*» (выровняться), обозначая дуэль.

— Кажется, два brigadiers, но навѣрное не знаю.

— Ну, ужь эти brigadiers! чуть не всякій день!... И поручикъ хотѣлъ перейти на другой предметъ; но меня эта дуэль такъ заинтересовала, что я попросилъ объясненія. Дуэль между нижними чинами во Франціи самая обыкновенная вещь. Если двое поссорились и вызвали другъ друга, то отправляются къ своему ротному или эскадронному командиру просить разрѣшенія драться. Командиръ, болѣе для формы, разбираетъ, въ чемъ дѣло, и почти всегда даетъ разрѣшеніе. Тогда противники берутъ двухъ секундантовъ, своего взводнаго вахмистра и полковаго учителя фехтованія и отправляются съ ними въ манежъ. Двери манежа запираются, и никто болѣе, ни подъ какимъ предлогомъ, не можетъ присутствовать при дуэли. Оружіе приносятъ учитель фехтованія. Эти четыре инструмента, особаго, установленнаго обычая и правительствомъ, рода, имѣются въ каждомъ полку, въ каждой отдѣльной части, нарочно для дуэлей, и сохраняются въ оружейной мастерской. Они составляютъ нѣчто среднее между шпагой и саблей: клинокъ довольно толстый, немного выгнутый, хорошо заостренный и выточенный къ концу. Къ ефесу онъ совершенно тупой, потому что употребляется не для рубки, а только для колотія. Чтобы не повредить руки, ефесъ изъ сплошной, довольно толстой мѣди. Секундантамъ, обязаннымъ парировать удары, направленные въ ноги, даются такія же сабли, но совершенно тупыя.

Учитель фехтованія *обязанъ* наблюдать, чтобы всѣ дуэльныя правила (*) были соблюдены. Противники снимаютъ шапку, мундиръ и рубаху и, оставшись въ рейтузахъ, становятся на указанныя мѣста. Учитель даетъ сигналъ, противники отдаютъ другъ другу честь (салютъ), и дуэль начинается. Обыкновенно она длится лишь нѣсколько минутъ, нерѣдко даже двадцать, тридцать секундъ. Фехтовальный учитель тоже вооруженъ и нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ самой дуэли, потому что если предвидитъ слишкомъ опасный ударъ, то можетъ парировать его. Какъ только показалась первая кровь, онъ останавливаетъ дѣйствіе и предлагаетъ мириться, что обыкновенно и происходитъ. Тогда унтеръ-офицеръ, присутствовавшій при дуэли, отправляется къ командиру, давшему позволеніе драться, и доно-

(*) Здѣсь изданъ цѣлый сводъ этихъ правилъ: «Code du duel», par le comte de Chateaullard. Paris. 1836.

ситъ ему о результатѣ и о томъ, *какъ вели себя во время оной протискики*, т. е. не выказалъ ли кто изъ нихъ малодушія. Если оба вели себя хорошо, то командиръ, при первомъ случаѣ, когда часть его въ сборѣ, объявляетъ ей, что обида, нанесенная такому-то, смыта, честь возвращена ему и т. п.

Если въ казармахъ случится драка, то первое, что дѣлаютъ, это обоимъ бойцовъ сажаютъ подъ арестъ. Когда ихъ выпускаютъ, они должны драться, должны непремѣнно, иначе начальникъ части называетъ ихъ передъ фронтомъ трусами и подлецами, не уиѣющими оберегать свою честь, людьми, недостойными быть французскими солдатами. Кромѣ того, имъ отъ товарищей не будетъ прохода. Но до этого *никогда* не доходить: всѣ сами дерутся, безъ всякаго къ тому побужденія. Смертные случаи на дуэляхъ рѣдки, однако бываютъ. Дуэль на шпагахъ, да еще съ фехтовальнымъ учителемъ, парирующимъ опасные удары, не очень страшна. Это, однако, одна изъ самыхъ сильныхъ пружинъ, которою поддерживается въ арміи *point d'honneur*, на которомъ, въ свою очередь, основана *французская* дисциплина, самая совершенная между европейскими дисциплинами: *гуманная и строгая вѣсть*.

Перейдемъ теперь къ *теоретическимъ* занятіямъ въ школѣ.

Каждому дивизиону (отдѣленію) обучающихся лекціи читаются отдѣльно, хотя всѣмъ въ одно и то же время, отъ трехъ до пяти часовъ. Занятіе въ залахъ просто называется теоріей (*la théorie*). Офицерамъ «дѣлаютъ теорію» объ уставѣ, о гиппологій, о военномъ искусствѣ, о сѣдлахъ и сѣдельныхъ уборахъ (*le harnachement*) и о ковкѣ; унтеръ-офицерамъ объ уставѣ, гиппологій и полевой службѣ; остальнымъ отдѣламъ почти то же, но въ меньшемъ объемѣ.

Несмотря на то, что я пробылъ въ Сомюрѣ десять дней, мнѣ удалось быть только на трехъ лекціяхъ. Два дня были воскресенья, два раза лилъ страшный дождь, разъ какъ-то я опоздалъ и не хотѣлось войти, чтобы не нарушить порядка, разъ засидѣлся въ *café* за газетой, разъ писалъ эти замѣтки. Словомъ, я былъ только на трехъ лекціяхъ; а по тремъ лекціямъ немного еще можно сказать. Пропу снисхожденія.

Аудиторіи называются *salles de théorie*. Ихъ, кажется, пять, изъ которыхъ четыре въ главномъ зданіи, а пятая около кузницы. Каеэдра прилегаетъ, какъ обыкновенно, къ стѣнѣ. Про-

тивъ нея широкій проходъ черезъ всю комнату, образуемый скамьями и юпитрами для слушателей. Въ каждой залѣ можетъ помѣститься до пятидесяти человѣкъ. Передъ кафедрой стоитъ длинный станокъ, на который вѣшаютъ сѣдла или уборы, когда читаютъ о нихъ. Въ сторонѣ передвижная черная доска.

Первая лекція, на которой мнѣ случилось присутствовать, была объ уставѣ. Изъ описанія ея можно видѣть, что въ сущности это была не лекція, а только проэкзаменовка, спрашивание. Офицеры (подпоручики) собрались въ три часа и заняли свои мѣста; въ три съ четвертью вошелъ преподаватель (одинъ изъ состоящихъ при николѣ капитановъ-инструкторовъ), вмѣстѣ съ подполковникомъ, которому поручено ближайшее наблюдение за дивизионами офицеровъ и вообще за теоретическими занятіями. Всѣ офицеры встали. Подполковникъ попросилъ ихъ, довольно холодно, сѣсть и занялъ мѣсто, вмѣстѣ съ преподавателемъ, на кафедрѣ.

Занятіе открылось перекличкою, которую сдѣлалъ преподаватель по списку, что сильно напомнило мнѣ «школу». Каждый офицеръ отвѣчаетъ «présent», т. е. налицо. Далѣе все приняло, въ моихъ глазахъ, даже комически-школьный характеръ. Я, по крайней мѣрѣ, передъ тѣмъ привыкъ къ лекціямъ въ германскомъ университетѣ, гдѣ предоставлено инициативѣ каждого учащаго *гораздо* болѣе свободы, и просто кусалъ себѣ здѣсь губы, чтобы не засмѣяться.

Преподаватель вызвалъ пять офицеровъ. Они надѣли кивера (въ которыхъ всѣ должны приходиться на лекціи), вышли изъ скамей и построились за ними въ шеренгу, вдоль стѣны противъ кафедры. Между каждымъ было разстояніе на руку, чтобы не могли подсказывать другъ другу. Когда построеніе было кончено и офицеры подобрали сабли, т. е. на вытяжку, преподаватель сказалъ правофланговому:

— Не угодно ли вамъ начинать съ такого-то построения?

Не припомню, какое именно это было построеніе, но для того, чтобы объяснить, какъ отвѣчаютъ на подобное предложеніе преподавателя, положимъ, что это былъ § 456 устава о кавалерійскихъ ученьяхъ, дающій правила, какъ останавливать двигающуюся колонну (*).

(*) Вотъ полное заглавіе французскаго кавалерійскаго устава: «Ordonnance sur l'exercice et les évolutions de la cavalerie, contenant les bases d'instruction, l'école

Офицеръ долженъ отвѣтить обыкновеннымъ голосомъ:

— *Чтобы остановить движущуюся колонну, инструкторъ командуетъ:*

— *Колонна стой!*

И онъ дѣйствительно долженъ прокомандовать эти два послѣднія слова во все горло, совершенно такъ, какъ будто стоялъ передъ эскадрономъ. Нѣкоторые офицеры были останавливаемы преподавателемъ, и въ особенности подполковникомъ, на серединѣ слова, и ихъ безъ церемоніи заставляли начинать снова, если они не совсѣмъ отчетливо командовали.

Потомъ офицеръ продолжаетъ, не дожидаясь ничего предположенія:

— *По командѣ стой, всадники останавливаются все вдрызг, держась затылковъ, и на должныя дистанціи, наблюдая, чтобы лошади ихъ не осаживали, и т. д.* Эти слова помѣщены въ уставѣ для наставленія людей, а потому офицеръ долженъ сказать ихъ тутъ яснымъ, громкимъ голосомъ, какъ будто дѣлалъ объясненіе передъ фронтомъ.

Вы видите, что знаніе пѣлаго устава, до полковаго ученія, т. е. 585 страницъ, требуется здѣсь, буквально, наизусть. Правда, уставъ написанъ сжато, безъ лишнихъ словъ и очень дѣльно, вся пѣшая и конная рекрутская школа, взводное и эскадронное ученія заключаются въ 782 §§, которые вмѣстѣ съ длиннымъ введеніемъ (занимающимъ уже 131 страницу), гдѣ изложены основанія военнаго обученія, заключаются въ одномъ томикѣ, но все-таки знать наизусть 585 страницъ немалая шутка. Полковое ученье, гарнизонную и полевую службу не требуютъ наизусть: нужно только твердое знаніе, также по §§. Весь уставъ напечатанъ тремя шрифтами. То, что касается собственно до обучающаго, напечатано мелко (на лекціяхъ говорится своимъ голосомъ), командныя слова напечатаны очень крупно, какъ и у насъ (на лекціяхъ *командуются*), а объясненія, какъ исполнять эту команду, т. е. касающагося людей, среднимъ шрифтомъ (на лекціяхъ произносится громко.)

Буква устава требуется съ педантическою, мелочною точностію. Напримѣръ, одинъ офицеръ сказалъ: quand l'escadron,

du cavalier, l'école du peloton et celle de l'escadron à pied et à cheval, pour les corps de toutes armes. Augmentée de l'instruction ministerielle du 21 mars 1847, pour la charge et les feux des armes percutantes. 1859 г. Малый форматъ (въ 32), 585 страницъ. Та же «Ordonnance», третья часть: полковое ученье.

тогда какъ въ уставѣ сказано: lorsque l'escadron, и преподаватель поправилъ его, хотя оба слова выражаютъ совершенно одно и то же. Скажу болѣе: я замѣтилъ даже придирчивость со стороны подполковника.

Когда офицеръ скажетъ страницы полторы, двѣ изъ заданнаго урока, преподаватель или подполковникъ, поминутно вѣшпывающійся, предлагаютъ другому офицеру продолжать, часто съ половины фразы. Чтобы заставить всѣхъ вызванныхъ слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, не всегда предлагаютъ продолжать рядомъ стоящаго, а перескакиваютъ черезъ одного или двухъ или даже возвращаются къ говорившимъ уже. Когда всѣ пять накричались и накомандовались чуть не до хрипоты, преподаватель поставилъ каждому отмѣтку (баллъ) въ особенный журналъ, котораго офицеры никогда не видятъ. Къ экзамену изъ него выводится общій баллъ за все полугодіе, который, вмѣстѣ съ отмѣткой, полученной на экзаменѣ, служитъ аттестаціей. Поставивши отмѣтки, преподаватель задаетъ урокъ на слѣдующій разъ, приблизительно шесть страничекъ, и объявляетъ шенрегъ, что она свободна. Офицеры прямо выходятъ изъ аудиторіи, а другіе пять вызываются на ихъ мѣсто.

Я просидѣлъ все время. Въ послѣдней уже смѣнѣ одинъ офицеръ, піемонтецъ, недавно перешедшій изъ сардинской арміи во французскую (*) и потому присланный въ Сомюръ, плохо зналъ свое дѣло и часто останавливался. Преподаватель помогъ ему разъ, другой, но дѣло все не шло на ладъ. Послѣ третьяго раза подполковникъ сказалъ ему:

— Вы будете такъ добры и проведете два дня подъ домашнимъ арестомъ.

Сынъ Савоіи приложилъ руку къ киверу. Черезъ минуту, выходя изъ школы, я слышалъ, какъ онъ говорилъ одному изъ товарищей своихъ, отлично знавшему свой урокъ, какъ почти всѣ:

— Это чортъ знаетъ что такое! Насъ третируютъ здѣсь не какъ офицеровъ, а какъ мальчишекъ. Ну, требуй, пожалуй, уставъ наизусть, но не экзаменуй такъ глупо; а не знаетъ офицеръ своего дѣла передъ фронтомъ, такъ тогда взыщи съ него.

(*) Известно, что послѣ итальянской войны 1859 года Савоія была присоединена къ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ савойскіе уроженцы, служившіе въ піемонтской арміи, перешли во французскую.

— Согласитесь, однако, отвѣтилъ ему тотъ:—что *вы вовсе не стали бы учить устава, еслибъ насъ не экзаменовали такъ.*

Я вспомнилъ, какъ знаетъ уставъ наша субалтерія, и согласился съ нимъ.

Замѣчу, кстати, что домашній арестъ здѣсь то же наказаніе, что и у насъ, но случаи примѣненія его гораздо чаще, потому что на гауптвахту офицеровъ никогда не сажаютъ и для нихъ тамъ даже нѣтъ никакого помѣщенія. Болѣе строгое взыскаіііе есть арестъ съ часовымъ, который ставится къ дверямъ офицерской квартиры и которому офицеръ еще обязанъ платить за этотъ трудъ, — кажется, полтора франка въ день. Люди, считающіеся у насъ подъ домашнимъ арестомъ, обыкновенно расхаживаютъ вездѣ, лишь бы не попадаться кому слѣдуетъ; здѣсь этимъ не шутятъ.

Вторая лекція, на которой я присутствовалъ, была уже болѣе похожа на лекцію или, по крайней мѣрѣ, на урокъ. Это было «военное искусство», читаемое для поручиковъ. Послѣ переклички, профессоръ, въ чинѣ, кажется, эскадроннаго командира, спеціально состоящій при школѣ для преподаванія этого предмета, вызываетъ когонибудь. Тотъ встаетъ и стоя же начинаетъ отвѣчать на вопросы изъ прошлой лекціи, предлагаемые имъ. Тутъ, не въ упрекъ имъ будь сказано, уже сами офицеры употребляютъ разныя школьныя замашки. Напримѣръ, когда отвѣчающій нетвердо знаетъ свое дѣло, то толкаетъ ногой софѣда или дѣлаетъ рукою за спиною знакъ, относящійся къ свидѣющему за нимъ; по этому знаку начинается ревностное подсказыванье, не уступающее нашему кадетскому. Вся разница въ томъ, что здѣсь поручикъ лѣтъ 35, съ сильною простѣдью, подсказываетъ другому, лѣтъ 37, полулысому. Но нужно сказать правду: цѣль преподаванія достигается хорошо: всѣ порядочно знали урокъ. Спросивъ челоѣкъ пять, профессоръ поставилъ отмѣтки въ журналъ и началъ диктовать (всѣ пришли съ тетрадами) канву той лекціи, которую онъ будетъ сейчасъ читать. По этой канвѣ офицеры могутъ, внимательно прослушавъ изустную лекцію, разработать ее дома, что и исполняется большинствомъ. Это была только первая лекція о тактикѣ собственно кавалеріи. Передъ тѣмъ читались исторія кавалеріи и очеркъ тактики пѣхоты и артиллеріи. Вотъ нѣсколько строкъ изъ продиктованной канвы:

«Сила кавалеріи. Сравненіе этой силы съ силою пѣхоты. Какія качества нужны, чтобы хорошо командовать кавалеріею? Эскадронъ. Навыгоднѣйшее построеніе эскадрона. Выгоды построенія его въ двѣ шеренги. Случай, когда можно строить его въ одну шеренгу. Мѣста офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Отборные эскадроны. Польза интерваловъ. Измѣненія ихъ величины, начиная съ XVII вѣка», и т. д.

Чтеніе продолжалось около часу. Говоря о построеніяхъ кавалеріи, профессоръ постоянно объяснялъ, почему во французскомъ уставѣ принять именно тотъ способъ, а не другой. Курсъ «военнаго искусства и исторіи» читается только одинъ разъ въ недѣлю. Лекція была прочитана очень хорошо, даже увлекательно. Желая ознакомиться короче съ системою чтенія этого предмета, я довольно внимательно просмотрѣлъ компактную литографированную тетрадь, «которая, впрочемъ, не можетъ служить руководствомъ для изученія военнаго искусства, а есть только простая программа, содержащая въ себѣ перечисленіе фактовъ, правилъ и принциповъ (*des faits, des règles et des principes*), которые необходимо знать, чтобы съ успѣхомъ слѣдить за изустными лекціями, читаемыми въ школахъ профессоромъ». (*)

Курсъ, какъ говорить, впрочемъ, и самое названіе его, раздѣленъ на двѣ части: историческую и тактику. Начато исторіей, потому что «только вопрошая прошедшее можно приготовить себя къ устраненію затрудненій, которыя будутъ порождены въ будущемъ. Военное искусство, впрочемъ, ничто иное, какъ результатъ открытій, опытовъ и наблюденій, которыя слѣдовали одни за другими, начиная съ младенческаго состоянія общества».

Тетрадь начинается слѣдующими словами, очень поправившимися инѣ: «*Bien que la guerre seule apprend la guerre*, какъ сказалъ генералъ Бракъ (*Brack*), *il n'est pas moins vrai que l'expérience et la pratique ne suffisent pas pour faire un officier distingué*», т. е. «хотя только война выучиваетъ войнѣ, но, тѣмъ не менѣе, справедливо, что недостаточно опытности и практики, чтобы быть отличными офицерами», а нужно, слѣдовательно, и интеллектуальное развитіе.

(*) Прибѣчаніе на заглавномъ листѣ «Курса военнаго искусства и исторіи, приложенныхъ къ кавалеріи, преподаваемыхъ въ императорской кавалерійской школѣ». Курсъ этотъ скоро будетъ напечатанъ.

Въ первой части курса, исторической, дѣльно, но коротко, разсмотрѣны всѣ измѣненія, которыми была подвергнута кавалерія со временъ Скивовъ, Грековъ и Римлянъ, до нашихъ дней, всѣ ступени, которыя она прошла. Главнѣйшія эпохи этого оружія приняты такъ:

1 — отъ древнихъ вѣковъ до среднихъ.

2 — отъ среднихъ до Фридриха II.

3 — отъ семилѣтней войны. Наибольшее вниманіе обращено на послѣднюю эпоху, и съ египетской кампаніи Наполеона уже подробно разбираются дѣйствія Французской кавалеріи въ каждой войнѣ, въ особой главѣ, въ концѣ которой говорится нѣсколько словъ и о непріятельской. Не слѣдовало ли прибавить уже четвертую эпоху, начавшуюся въ наше время, съ распространеніемъ штуцеровъ и нарѣзныхъ орудій? Если Фридрихъ II сдѣлалъ свою кавалерію подвижною и, вмѣсто того, чтобы заставлятъ ее подѣзжать къ непріятелю шагомъ, дѣлать невинный залпъ изъ ружей и потомъ атаковать рысцой, проносился съ нею огромныя пространства рысью и атакывалъ карьеромъ и саблей, то въ наше время уже не такъ часто рискуютъ эти атаки. Люди не менѣе храбрыя и гораздо болѣе опытные (наши Нижегородцы) атакывали шесть разъ баталіонъ турецкихъ стрѣлковъ и хотя отбили захваченныя ими орудія, но дорого заплатили за нихъ. Мнѣ кажется, что новѣйшіе писатели и тактики, основывающіе свои соображенія о новомъ значеніи кавалеріи большею частію только на предположенія, сдѣлали бы гораздо лучше, обративъ серьезное вниманіе на этотъ историческій фактъ. Вся бѣда въ томъ, что въ курюкъ-дарскомъ дѣлѣ (24 іюля 1854 г.) принимали участіе только Русскіе и Турки. Будь хотя десять Французовъ или Англичанъ, не говоря уже о Нѣмцахъ, которые написали о своей комической шлезвигъ-гольштейнской кампаніи нѣсколько десятковъ томовъ, о немъ зналъ бы весь свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, пять строчекъ, и это все, что говоритъ г. Рюстовъ о курюкъ-дарскомъ дѣлѣ, въ своемъ толстомъ сочиненіи, описывающемъ послѣднюю восточную войну, а въ немъ принимали участіе 80,000 человекъ, побѣда висѣла на волоскѣ и четверо сильнѣйшій непріятель былъ разбитъ наголову. Давая своему сочиненію громкое заглавіе: «Война противъ Россіи, разсмотрѣнная съ политической и военной стороны» (*), г. Рюстовъ *долженъ* былъ подробище го-

(*) «Der Krieg gegen Russland, politisch-militarisch bearbeitet von Rustow, стр. 60.

ворить о Курюкъ-Дарѣ. Вотъ его описаніе: «7 августа (24 іюля стараго стиля) была одержана княземъ Бебутовымъ значительная побѣда при Курукдере (Kurukdere въ подлинникѣ), на дорогѣ изъ Александраполя въ Карсъ. Но Русскіе и этотъ разъ не воспользовались побѣдой. И это счастливое нападеніе была только вылазка изъ оборонительныхъ позицій, въ которыя они вскорѣ опять вернулись.»

Тутъ даже и исторія перековеркана. Съ горстью людей, назначенныхъ для защиты нашей границы противъ всей анатолийской арміи, мы вовсе не думали дѣлать «вылазки изъ оборонительныхъ позицій», а приняли сраженіе, когда не драться не было никакой возможности, и разбили Турокъ.

Литографированное руководство военного искусства, принятое въ Сомюрской школѣ, читается легко, пріятно, почти какъ романъ. Но уже извѣстно окончательное невѣжество иностранцевъ, даже самыхъ образованныхъ, во всемъ, что касается Россіи. Осторожный нѣмецъ Рюстовъ написалъ о курюкъ-дарскомъ дѣлѣ только пять строкъ, потому что не зналъ о немъ болѣе. Но Французъ Humbert, составившій руководство, написалъ немного болѣе о нашей кавалеріи, дѣйствовавшей противъ нихъ во время войнъ первой имперіи, именно:

«Въ тѣ войны, казаки (*), потомки Славянъ и Татаръ, пріобрѣли нѣкоторую репутацію; они особенно отличались въ малой войнѣ (les escarmouches), но никогда не могли устоять противъ регулярныхъ войскъ.» За исключеніемъ происхожденія казаковъ отъ Татаръ, что очень сомнительно, особенно относительно донскихъ, которые тутъ преимущественно имѣются въ виду, до сихъ поръ все хорошо. Но вотъ: «они были окончательно подчинены русской власти только въ 1829 году». Что за чепуха! Кажется, Французы, вспоминая 1812 годъ, должны были бы знать казаковъ короче.

Авторъ продолжаетъ:

«Русская кавалерія (регулярная) была хорошо набрана (recrutée) и сидѣла на отличныхъ лошадяхъ; несмотря на это, она часто терпѣла неудачи, вслѣдствіе недостатка соображенія у начальниковъ и малаго умственного развитія солдатъ.» Тутъ сдѣлана ссылка на Полана (извѣстнаго автора сочиненія «Исторія

(*) Казакъ, въ видѣ прилагательнаго, служитъ во Франціи между военными въ родѣ ругательнаго слова: «c'est cozaque».

и тактика кавалеріи»). Ссылка эта многозначительна и, какъ мнѣ кажется, хотя нѣсколько подрываетъ жестокій приговоръ о насъ. По крайней мѣрѣ, она напоминаетъ, что такой приговоръ непримѣнимъ въ наше время. Извѣстно, что самъ Ноланъ былъ убитъ въ блестящемъ балаклавскомъ дѣлѣ, гдѣ Англичане побѣдили насъ сперва, но потомъ, благодаря удачной атакѣ нашихъ уланъ, исполненной *съ полнымъ присутствіемъ соображенія*, были уничтожены. Итакъ, человекъ, бросившій въ насъ этотъ приговоръ цѣною своей жизни, показалъ другимъ, что онъ не совѣмъ былъ правъ.

Еще нѣсколько словъ о «Руководствѣ военнаго искусства». Я наткнулся въ немъ на фактъ, вѣроятно, мало извѣстный у насъ, но очень оригинальный, интересный, быть можетъ единственный въ своемъ родѣ: это—взятіе кавалеріею *флота*. «Во время знаменитой кампаніи, совершенной генераломъ Пишегрю въ Голландіи зимою 1795 года, нѣсколько отрядовъ легкой кавалеріи съ артиллеріей получили 3 февраля приказаніе сдѣлать движеніе на Зюдеръ-Зее (разумеется, плотно замерзшемъ) и овладѣть голландскимъ флотомъ, запертомъ льдомъ около острова *Текселя*. Гусары понеслись въ атаку на корабли, наполненные моряками, и вмгъ подскочили такъ близко, что орудія не могли уже дѣйствовать по нимъ. Гусары требовали сдачи. Моряки, застигнутые врасплохъ, сдались, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. (Не по русски!) Въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ побѣдители (Французы) взяли болѣе орудій, нежели имѣли людей въ строю!...»

9 іюня 1793 г., подъ городомъ Сомюромъ, было горячее дѣло между вандейцами и республиканскою арміею, которая была разбита наголову. Вандейцы, подъ командою Лескюра и Ла-Рош-Жакелэна, овладѣли замкомъ, потомъ цѣлымъ городомъ и захватили много добычи. Весь ходъ этого сраженія, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ участвовало около 30,000 войска, подробно разсказанъ въ «руководствѣ», чтобы дать офицерамъ возможность прослѣдить всѣ его моменты на самой мѣстности. Въ дѣлѣ этомъ пало болѣе 5,000.

Источниками для составленія «руководства» служили преимущественно сочиненія Нолана, Роканкура, Бисмарка, Жакелэна и другихъ. Профессоръ самъ отличный кавалеристъ, сочувствующій своему оружію, а не сухой теоретикъ, знакомый съ нимъ только по книгамъ. Онъ былъ даже въ школѣ

инструкторомъ. Текстъ объясняетъ онъ планами и чертежами на доскѣ.

Третья слышанная мною лекція была о сѣдельныхъ уборахъ (*harnachement*), чтеніе о которыхъ поручено одному изъ инструкторовъ. Предметъ лекціи попался очень интересный: о новыхъ сѣдлахъ, которыя предположено ввести въ весьма непродолжительномъ времени во французской арміи. Нѣсколько сотъ этихъ сѣделъ уже разосланы по полкамъ для испытанія, до окончательнаго принятія ихъ въ арміи. Они въ родѣ венгерскихъ.

На лекціи гиппологіи я не имѣлъ случая быть, потому что ветеринаръ, читающій ее для отдѣленія поручиковъ, былъ боленъ, а лекцію офицера, читающаго для подпоручиковъ, я какъ-то пропустилъ. Чтобы вознаграждать себя, я опять просмотрѣлъ, хоть очень бѣгло, подробныя записки, составленныя однимъ изъ офицеровъ по лекціямъ. Сперва изложены всѣ нужныя, т. е. довольно *подробныя*, свѣдѣнія объ анатоміи и физиологіи лошади, безъ чего изученіе гиппологіи остается пустою буквою. Потомъ изложены экстеріеръ и гигиена лошади. Пятый отдѣлъ посвященъ конскимъ заводамъ и вообще воспроизведенію; шестой — кузнечному искусству; седьмой — болѣзнямъ (патологія), преимущественно распознаваніе ихъ по симптомамъ и леченіе, на сколько офицеръ не-спеціалистъ можетъ лечить; восьмой отдѣлъ имѣетъ предметомъ хирургію; девятый — законодательство, касающееся торговли лошадьми. Я долженъ ограничиться этимъ простымъ перечисленіемъ.

Рядомъ съ главной аудиторіей находится кабинетъ моделей, не очень роскошный, но соединяющій въ себѣ всѣ необходимыя пособія для лекцій. Тутъ три конскихъ скелета: одинъ представляетъ очень правильную конструкцію, другой скелетъ арабской лошади, третій нормандской. Сравненіе двухъ послѣднихъ поучительно. Затѣмъ здѣсь можно видѣть отлично пренарированные зубы, вѣрнѣе цѣлыя челюсти, отъ жеребенка до 25-лѣтняго возраста; различныя подковы и кузнечныя инструменты; четвертый конскій скелетъ, на которомъ главные двигающіеся мускулы оставлены высушенными; человѣчскій скелетъ и т. д. Даютъ понятіе объ устройствѣ человѣческаго остова, чтобы объяснить наивыгоднѣйшую посадку. Для этой же цѣли есть здѣсь фигура лошади, и на ней человѣкъ, изъ дерева, способная дѣлать всѣ главные изгибы, принимаемые животнымъ и человѣкомъ на разныхъ аллюрахъ и движеніяхъ. Хороши так-

же коллекціи ножныхъ частей, съ разными болѣзненными наростами на нихъ: шпатою, пипгакомъ и т. п.; искусно сдѣланные эмбрионы жеребятъ, въ утробѣ кобылы, начиная съ двадцати-дневнаго до десяти-мѣсячнаго, и сдѣланные въ три или въ четыре раза увеличенномъ размѣрѣ нѣкоторые главные органы, со всѣми нервами и сосудами ихъ, какъ-то: глазъ, ухо, копыто, половые органы и т. д. Но верхомъ совершенства представляются здѣсь два аппарата Озу (Auzoux): человѣкъ и лошадь, въ натуральную величину, если не ошибаюсь, изъ папье-маше. Сперва они представляются какъ будто съ нихъ только снята кожа, т. е. вы видите всѣ сосуды, находящіяся подъ кожей. Но потомъ каждый сосудъ, каждый кусокъ мяса снимается (все это раскрашено для большей ясности), и вы видите то, что лежитъ въ организмѣ за нимъ и т. д. до самыхъ внутренностей. Всѣ частички скрѣплены винтиками и задвижками, легко разбираемыми, такъ что въ часъ всю фигуру можно собрать и разобрать. Нужно еще разъ отдать справедливость Французамъ: все дѣлается у нихъ очень практично. Съ помощію такого аппарата, можно вдесятеро скорѣе и лучше понять весь предметъ. Аппаратъ Озу (лошадь) стоитъ около 1,000 р.; но правительство не побоялось дорогой цѣны и заводитъ его теперь для всѣхъ тѣхъ полковъ, гдѣ читаютъ лекціи гипнологіи. Такія же лекціи предполагались и у насъ, по крайней мѣрѣ въ полкахъ Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, и кое-гдѣ даже читаны.

Для нижнихъ чиновъ въ Соиюрѣ также читается краткій курсъ гипнологіи и издано даже особенное руководство.

Конскій заводъ, принадлежащій школѣ, состоитъ, приблизительно, изъ 40 головъ, изъ которыхъ восемь матокъ съ жеребятами, три жеребца, а остальные двухъ и трехлѣтніе подростки, которые, достигнувъ четырехъ лѣтъ, сдаются въ школу, обыкновенно отъ 5 до 6 головъ ежегодно.

Изъ самаго названія завода (haras d'études) видно, что онъ существуетъ только для наблюденія обучающимся въ школѣ, и согласно этой цѣли составленъ изъ лошадей различныхъ породъ, которыя нерѣдко въ немъ скрещиваются и производятъ на свѣтъ очень интересные индивидуумы. Кромѣ того жереб-

повъ употребляютъ и для случки съ кобылами, приводимыми частными лицами въ заводъ за самую незначительную плату (кажется, около полутора или двухъ рублей). Такимъ образомъ, улучшается вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстная порода лошадей.

Изъ трехъ жеребцовъ одинъ кровный арабскій, другой кровный англійскій, третій (молодой еще) помѣсь англійскаго съ арабскимъ. Всѣ три замѣчательной красоты и статей. Кобылы также, начиная съ кровной арабской и англійской до простой нормандской, помѣси нормандской съ англійской, нормандской съ арабской и т. д. Помѣщеніе завода самое удобное. Кобыламъ отведено отдѣльное зданіе, въ которомъ содержатъ ихъ на англійскій манеръ, т. е. каждая имѣетъ свой особенный загонъ (называемый box) отъ 8 до 10 квадратныхъ сажень, въ которомъ она ходитъ на свободѣ. Большую часть дня, если позволяетъ погода, онѣ проводятъ на лугахъ, которые также раздѣлены на нѣсколько частей проволочными перилами, т. е. на извѣстномъ разстояніи вбиты столбики и между ними протянуты двѣ толстыя проволоки, на такой вышинѣ, чтобы лошадь не могла перескочить. Подобною роскошью помѣщенія пользуются, впрочемъ, только матки и жеребцы; для остальныхъ есть шесть круглыхъ загончиковъ, куда выпускаютъ животныхъ, хотя ежедневно, но лишь на нѣсколько часовъ, побѣгать и порѣзвиться.

Всѣхъ лошадей чистятъ и убираютъ какъ строевыхъ лошадей, и потому онѣ смирны и совершенно ручныя. Чтобы облегчить ученикамъ школы наблюденіе и изученіе, у стойла каждой лошади сдѣланы подробныя надписи, напримѣръ:

Клара.

Отецъ неизвѣстенъ.

«Полукровная англійская кобыла.

Мать Euridice, кровная англійская.

Родилась тогда-то.

Подарена школѣ г. маршаломъ Рандономъ.» (*)

Одна часть полей, принадлежащихъ заводу (все пространство, занимаемое имъ, впрочемъ, невелико: всего какихъ нибудь 2½ — 3 десятины), засѣвается каждый годъ морковью, которая, какъ у насъ, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, составляетъ самый здоровый кормъ для жеребятъ, удобовари-

(*) Нынѣшній военный министръ, отличный кавалеристъ, обращающій на развѣтѣ этого оружія особенное вниманіе. Ему обязаны Сентъ-Сирская и Сомюрская школы своимъ послѣднимъ преобразованіями.

мый и вмѣстѣ съ тѣмъ питательный. Овесъ, впрочемъ, также дается, и въ довольно значительномъ количествѣ. Я часто слышалъ въ Россіи мнѣніе, что овесъ вреденъ жеребятамъ. Мнѣ случилось провести цѣлый день въ деревнѣ Вирофле, около Версаля, гдѣ конный заводъ графа Морни, состоящій изъ кровныхъ англійскихъ лошадей, воспитываемыхъ и содержимыхъ конюхами-Англичанами на англійскій манеръ. По части коноводства, Англичанъ, кажется, можно принять за авторитетъ, а въ Вирофле десяти-мѣсячному жеребенку, цѣлый день пасущемуся на отличномъ лугу, даютъ, кромѣ того, два гарнца овса, перемѣшаннаго съ гарнищемъ отрубей, для большей удобоваримости. Жеребята веселы, здоровы и въ полтора года нерѣдко болѣе развиты, нежели у насъ трехлѣтняя лошадь, ходящая лѣтомъ, правда, на сочномъ подножномъ корму, за то зимою голодающая на соломѣ, что безспорно задерживаетъ ея развитіе. При нашихъ цѣнахъ на лошадей, часто, впрочемъ, *невыгодно* кормить иначе.

Въ Сомиюрскомъ учебномъ заводѣ есть также очень умѣстное и умное учрежденіе: это небольшой *ботаническій садъ*. Здѣсь разведены главныя кормовыя травы, преимущественно употребляемыя для посѣвовъ искусственныхъ. (Я уже сказалъ въ предъидущей статьѣ, что во Франціи употребляется несравненно болѣе искусственнаго сѣна, нежели натуральнаго.) Разведены также травы, наиболѣе употребляемыя медициною и провостающія въ здѣшнемъ климатѣ. Есть также различные сорта овса, ячменя и другихъ растений, употребляемыхъ въ кормъ лошади. Повторяю: тутъ въ теченіе часа можно наглядно (а это, какъ извѣстно, самый пріятный и легкій способъ учиться) болѣе приобрѣсть свѣдѣній, нежели прочитавъ толстый томъ германскаго профессора, имѣющаго даръ говорить много, часто очень умно, но не всегда ясно.

При школѣ есть еще *кузнечная* мастерская и *сѣдельная*, которыя помѣщены рядомъ, въ особо устроенныхъ зданіяхъ.

Кузнечную мастерскую будетъ гораздо правильнѣе назвать школою кузнецовъ. Въ ней до 100 учениковъ, рассылаемыхъ, по окончаніи курса, по полкамъ. Еслибъ они дѣлали подковы только для 850 лошадей, состоящихъ въ школѣ, то имѣли бь

слишкомъ мало работы. Напротивъ, имъ даютъ желѣза сколько они могутъ переработать въ подковы и гвозди, принимаютъ изготовленные вещи обратно и сдаютъ въ запасные склады или въ части, нуждающіяся въ нихъ. Недавно сдано 40,000 подковъ и 500,000 гвоздей.

Рядомъ съ обширной кузницей аудиторія, въ которой ветеринаръ читаетъ лекціи о ковкѣ, какъ ученикамъ-кузнецамъ, такъ и учащимся собственно въ Союрской школѣ. Ежедневно двѣ лекціи. Въ самой аудиторіи всѣ необходимыя пособія для этого предмета: два конскихъ скелета, изъ которыхъ одинъ на шарнирѣ, чтобы приблизить къ слушателямъ голову или задъ, смотря по надобности; нѣсколько препарированныхъ копытъ, съ разрѣзами вдоль и поперекъ; коллекція всевозможныхъ угольевъ: древесныхъ, каменныхъ, лигнита; коллекція разныхъ сортовъ желѣза и въ разныхъ видахъ: сыраго, кованаго; коллекція гвоздей всѣхъ видовъ и величинъ; наконецъ, самое существенное: большая коллекція подковъ, отъ огромной старинной подковы, вѣсомъ въ два фунта слишкомъ, до англійской скаковой подковы, вѣсомъ въ четверть фунта, имѣющей видъ ободка. Не забыты подковы и для порочныхъ ногъ и копытъ, для быковъ, для ословъ; собраны также кузнечные инструменты разныхъ видовъ. Между прочимъ, я въ первый разъ увидѣлъ здѣсь машинку для сниманія мѣрки съ копыта, чтобы дѣлать по ней подкову. У насъ кузнецы снимаютъ мѣрку хворостинкой, на которой зарубаютъ длину копыта и ширину его у стрѣлки и у носка. Ловкому кузнецу, дѣйствительно, довольно этихъ трехъ зарубокъ, чтобы сдѣлать подкову какъ разъ по копыту. Но не всѣ кузнецы ловки, и другой, «*не потрафивъ*» подкову, не задумается пригонять уже рогъ по подковѣ и рѣжетъ его сколько нужно, чтобы поправить ошибку. Машинка, служащая для сниманія мѣрки, называется *pedometre* (ногомѣръ) и стоитъ очень немного: два, три франка. Ихъ есть нѣсколько системъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ не случилось ни быть на лекціи о ковкѣ, ни просмотрѣть записокъ о ней. На стѣнѣ, въ особой рамѣ, занесены золотыми буквами имена учениковъ-кузнецовъ, вышедшихъ изъ школы первыми.

Французскаяковка вообще не пользуется хорошей репутаціей; но въ послѣднее время она нѣсколько измѣнилась къ лучшему. Еще и теперь въ деревняхъ попадаютъ подковы ста-

риннаго французскаго образца, имѣющія къ носку нѣсколько выгнутую вверхъ форму. Для того, чтобы укрѣпить ихъ, нужно срѣзать и рогъ спереди, что все вмѣстѣ лишаетъ лошадь твердой опоры, и ноги ея вѣчно какъ будто балансируютъ. Военная форменная подкова безъ шиповъ. О пользѣ или вредѣ послѣднихъ много говорили. Мнѣ кажется, что строевой лошади онѣ нужны, потому что назначеніе подковы защищать не только твердый рогъ, но и стрѣлку, которая, при маршѣ по каменистой мѣстности, или даже по *вустой* грязи, легко наминается. Подковы здѣсь не бронзируются съ боку, какъ у насъ. Это, впрочемъ, еще ничего не доказываетъ: подкова можетъ быть отлично выбронзирована и дурно сдѣлана; но, къ немалому моему удовольствію, я убѣдился, пересмотрѣвъ не менѣе 20 штукъ, что наши кавалерійскія подковы несравненно правильнѣе выбухтованы и вообще отдѣланы акуратнѣе.

Сомюрская *сѣдельная* мастерская снабжаетъ сѣдлами всю французскую армію. Въ ней постоянно работаетъ до 70 мастеровъ. Хотя она и подчинена начальству школы, но не имѣетъ къ ней особенныхъ отношеній. Здѣсь было сдѣлано и испытывалось сѣдло нашего новаго (1854 г.) образца, съ двойной кожаной подпругой, нарочно выписанной изъ Россіи. Его нашли неудобнымъ и приняли для общаго введенія въ кавалеріи нѣчто въ родѣ венгерскаго сѣдла, о которомъ упомянуто выше.

Осмотрѣвъ сѣдельную, я отправился взглянуть на гауптвахту, около воротъ школы, гдѣ содержится унтеръ-офицерскій караулъ, какъ и во всѣхъ полкахъ. Людямъ позволено ночью ложиться и даже спать, разумѣется не раздѣваясь и даже не разстегиваясь. Въ караульной сдѣланы нары. У насъ тоже всѣ спятъ, но спать не позволено: ужъ не лучше ли разрѣшить то, что всѣ дѣлаютъ несмотря на запрещеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, косвенно ослабляютъ дисциплину?

Рядомъ съ гауптвахтой, стѣна объ стѣну, карцеры, раздѣленные на нѣсколько категорій. Сперва вы идете коридоромъ, на который выходитъ съ десятокъ маленькихъ комнатъ, каждая аршина въ 4 длины и аршина въ 2 ширины. Въ нихъ постель съ соломеннымъ тюфякомъ, столъ съ кружкою воды и сосудъ для извѣстныхъ нуждъ. Въ двери сдѣлано окошко, чтобы можно было видѣть внутренность комнаты изъ коридора. Въ эти карцеры сажаютъ только ефрейторовъ и унтеръ-

офицеровъ, и опять-таки двумя различными способами. Первый называется *salle de police*. Человѣкъ, подвергнутый этому взысканію, несетъ всю службу наравнѣ съ прочими, а вечеромъ, въ семь часовъ, когда трудовой день оконченъ, его отводятъ въ карцеръ и запираютъ на всю ночь, до утренней зари. Лѣтомъ это еще ничего, но зимою, въ нетопленной конурѣ, съ однимъ шерстянымъ одѣяломъ, не очень весело.

Слѣдующая затѣмъ степень наказанія за проступки есть «*grison*», т. е. въ тотъ же карцеръ сажаютъ безвыходно, на день и ночь, и иногда сутокъ на пятнадцать сряду и болѣе. Днемъ арестованному позволяютъ пѣть и свистать, для развлечения, но ни книги (кромѣ уставовъ), ни табакъ не позволены.

— Они, вѣроятно, получаютъ только хлѣбъ и воду? обратился я къ сообщавшему мнѣ эти свѣдѣнія офицеру.

— Тѣлесныя наказанія не существуютъ во Франціи.

— Виноватъ, я, вѣроятно, неясно выразился: я говорю, что арестованные получаютъ только хлѣбъ...

— Напротивъ, я очень хорошо понялъ васъ. Но когда вы лишаете человѣка хорошей пищи, развѣ вы не наказываете его тѣлесно? Арестанты ѣдятъ то же самое, что другіе, но жалованье у нихъ удерживается и образовываетъ въ теченіе года болѣе или менѣе значительную сумму, на которую эскадрону дѣлаютъ по большимъ праздникамъ жареное или сладкое блюдо.

Другой родъ карцеровъ, для рядовыхъ, есть общій, человекъ на пятнадцать, двадцать, куда запираютъ ихъ, какъ барановъ, за малѣйшій проступокъ. По французскимъ военнымъ законамъ, уже ефрейторъ имѣетъ право отправить рядового на два дня въ *salle de police* или подвергнуть его на четыре дня «*consigne*», т. е. запрещенію отлучаться изъ казармъ въ свободное отъ службы время. На каждый проступокъ есть соответствующее, закономъ положенное, наказаніе (такъ называемый *тарифъ* наказаній), и ефрейторъ самъ подвергается взысканію унтеръ-офицеромъ, если не взыскиваетъ за замѣченный имъ проступокъ. Каждое понесенное наказаніе вносится въ штрафной журналъ, гдѣ всякій рядовой имѣетъ свой листъ. Я просматривалъ этотъ журналъ, и дѣлаю здѣсь нѣсколько выписокъ, чтобы показать, какъ строга у французовъ дисциплина, несмотря на отсутствіе тѣлеснаго наказанія. Рядовой такой-то:

Водъ наказанія.

Число, ког- да наказанъ. 1861 г.	Сop- de signe. police. con. Число дней.	Pri- sion. судъ.	Подъ Кѣмъ наказанъ.	Причины.
25 января	15		Генераломъ, ко- мандиромъ шк.	За двухдневную противозакон- ную отлучку.
21 апрѣля	4		Унт.-оф. NN	За то, что былъ встрѣченъ въ городѣ безъ перчатокъ.
23 юня 1862 г.	4		Ерейторомъ	За невычищенные сапоги на ученьи.
27 февраля	30		По приказанію министерства.	За несвоевременное объявленіе специальной болѣзни, которою былъ зараженъ, и т. д.

Наказанія всегда переносятся безропотно, потому что всегда вполнѣ законны. Проходя коридоромъ мимо одного карцера, я услышалъ слѣдующую пѣсню, взятую изъ «Севильскаго Цирюльника»:

La belle vie
En vérité,
Pour un lancier
De qualité,
De qualité...

В. ДЕТЛОВЪ.

Варшва, 6 сентября 1862 г.